

Илона ТИТОВА-САРЬЯН (г.Санкт-Петербург) ШАГ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Этим субботним утром Ника проснулась раньше, чем обычно по выходным. Несмотря на изрядное количество алкоголя, выпитого вчера, голова была ясной.

По дороге в душ она задержалась у большого зеркала, висящего в прихожей, окинула себя критическим взглядом. Полупрозрачная ночная сорочка позволяла разглядеть отвисший животик и некоторые

излишества в области талии и бедер. Ника приблизила лицо к зеркальной поверхности. Бледная. Потухшие глаза, уголки рта опущены. В роскошных темно-русых волосах проглядывает седина. Недовольно потрянув головой, она почти бегом отправилась в душ.

Энергично натирая мочалкой тело она упорно шептала — да, надо срочно что-то менять.

Вчера ей исполнилось сорок лет. Она успела кое-чего добиться за эти годы. Но когда к ней на улице стали обращаться «женщина», ее это очень злило — она все еще чувствовала себя девчонкой. И пусть в своем архитектурном бюро она — руководитель

проектного отдела и заместитель генерального директора, ей очень не хотелось становиться «теткой».

На корпоративном вечере в честь ее юбилея произносились официальные торжественно-поздравительные речи: О, Вероника Андреевна, звезда петербургской архитектуры! Но почему-то не пропадало ощущение, что она исполняет не свою роль.

Когда поднимали бокалы за исполнение желаний, Ника, крепко зажмурив глаза, залпом выпила — с трепетом. Как когда-то в детстве на Новый год под бой курантов от всего сердца загадала, чтобы ее жизнь волшебным образом изменилась. Пожалуй, это и так произошло бы — от бюро ее отправили на конференцию в Рим.

С тех далеких пор, когда во времена ее детства была в моде итальянская эстрада, Ника болела Италией. Выплясывая под итальянские песенки на дискотеках, слушая дома в одиночестве при свечах виниловые диски, она испытывала странный трепет. Эта музыка позволяла справляться с одиночеством и проблемами, которыми

не с кем было делиться.

Родители развелись, когда Нике было восемь лет. Отец ушел к другой. Мать погрузилась в уныние, пару лет проклинала всех мужчин, а потом встретила прекрасного принца — вдовца с ребенком. Через полгода перебралась к нему, они поженились, и у них родилось еще двое мальчиков.

Мать все больше отдалялась от нее. К тринадцати годам Ника практически осталась одна в двухкомнатной квартире. Она неплохо справлялась, но окончательно замыкалась в себе, по несколько дней не выходя из дома, запоем читая книги и погружаясь в вымышленный мир. Сидя на балконе темными августовскими ночами, любясь звездным небом, она размышляла о Боге, о бесконечности вселенной и параллельных мирах, путешествиях во времени, о прекрасной гармоничной любви. Она мечтала о том, чтобы кто-нибудь полюбил, отогрел ее...

При этом совершенно не умела вести себя с окружающими людьми, патологически

стеснялась, чувствуя себя в изоляции находясь в толпе сверстников.

У нее были поклонники — мальчики из параллельных классов, которые оставляли любовные послания на стенах ее подъезда. Она, краснея, читала их и ждала, что кто-нибудь подойдет к ней... Но ее гордое выражение лица, которое было не более чем защитной маской, отпугивало неуверенных в себе подростков. И Ника продолжала страдать от одиночества. Спасала только любовь к музыке. Она выучила пять блатных аккордов на гитаре, сочиняла песни и пела их вечерами при свечах, мечтая стать певицей.

К четырнадцати годам она окончательно повзрослела и ее потребность в любви приняла эротический оттенок. Эту неукротимую энергию она направляла на

изучение итальянского языка, на библиотеки, в которых листала толстые альбомы с фотографиями работ Микеланджело, и на итальянскую музыку всех времен. Однажды она купила очередной диск. На развороте альбома певца Лоренцо Манчини была фотография — молодой мужчина в белых обтягивающих джинсах и голубом джемпере

смотрел прямо на нее с теплой и загадочной улыбкой.

Ника потеряла голову. Она бесцельно бродила по улицам, стараясь хоть немного отвлечься от пылающего во всем теле жара. Перед глазами все расплывалось, кровь стучала в висках и внизу живота, по коже бежали сладкие мурашки. Она даже начала курить, чтобы притупить это невыносимое ощущение. Но каждый раз, когда в ее воображении возникал этот образ, ее как будто пронзало током.

Трудно предположить, чем бы все закончилось, если бы рядом оказался какой-нибудь представитель противоположного пола. Но от окружающей реальности по-прежнему отделяла стена, оставляя ее наедине со своими фантазиями.

Незаметно Ника окончила школу, поступила в архитектурный. С некоторой грустью отказалась от своей мечты о музыке, но и здесь ей тоже очень нравилось, а главное, не надо было менять привычно уединенного образа жизни.

Появились друзья, с которыми было интересно поболтать о живописи, книгах, сходить в кино. После лекций они разбегались парочками, а она шла домой в гордом одиночестве, по-прежнему подолгу смотрела на звездное небо прохладными августовскими ночами.

И только на четвертом курсе ее жизнь изменилась. В этом году на их факультете был недобор, и среди первокурсников оказалось несколько нетипичных для вуза студентов.

Один из них, белобрысый деревенский увалень Мишка Петухов, стал неуклюже и старательно ухаживать за ней. Она упорно отмахивалась от добродушного «мишки на севере» — как его окрестили на факультете. Но настойчивый ухажер, выросший на свежем воздухе и парном молоке, не страдал от комплекса неполноценности и напролом шел к цели.

Уже на третьем «свидании» — в перерыве между лекциями — Мишка затащил Нику в буфет, и, взяв кофе, стал выкладывать из рюкзака пироги, сало и квашеную капусту в стеклянной банке. Тут же заявил, что не может без нее жить, и хочет родить с ней детей и состариться.

Она чуть не подавилась пирожком с картошкой, который он минутой раньше запихал ей в рот.

Дальше все продолжалось в том же духе. Он встречал ее после лекций с букетами и пакетиками карамелек, писал романтические письма с орфографическими ошибками в каждом слове, доставал билеты на лучшие спектакли. Благодаря этому он и сам впервые в жизни побывал в театре, и ему неожиданно понравилось.

Ника исчерпала все аргументы, по которым они никак не могли быть вместе, и уже начала паниковать. Крепость ее одиночества рушилась на глазах. Простоватый Мишка явно не был героем ее романа. Она ломала голову, как все-таки это ему окончательно объяснить.

Ситуация разрешилась сама собой, ровно через неделю. Она согласилась в последний раз, на прощанье, сходить с ним в театр. После спектакля они погуляли в парке, он проводил ее до дома.

На следующее утро до нее дошли слухи, что Мишка опоздал к закрытию общаги, полез через второй этаж, поскольку на окнах первого стояли решетки, упал и сломал ногу. Причем, перелом какой-то сложный, и он попал в больницу.

Неожиданно для себя Ника ужасно разволновалась, и после лекций помчалась навестить Мишку.

Она сразу увидела его в больничной палате — взлохмаченная белобрысая голова торчала из кровати у окна, и на всю комнату раздавался богатырский храп. Тихонько подошла и присела на край. Мишкина загипсованная нога неестественно торчала, подвешенная на вытяжке. Лицо было бледным и печальным, верхняя губа при выдохе нелепо вибрировала.

Ника посидела немного и собралась было уйти, оставив на тумбочке пакет с апельсинами, как он открыл глаза, лучезарно улыбнулся и гаркнул во все горло:

— О, как хорошо что ты пришла!

Она испугалась, пролепетав:

— Да я мимо шла, как ты, как нога---

— Ничего, до свадьбы заживет! Кстати, меня через неделю должны уже выписать, пойдем заявление подавать? Это двадцать пятого, в среду, я зайду за тобой, ладно?

Она что-то промычала в ответ, типа «угу», чтобы не расстраивать мальчика. И сославшись на подготовку к курсовой, убежала домой и честно засела за учебники. Но сосредоточиться почему-то было очень трудно.

Дни, пока Мишка лежал в больнице, показались ужасно длинными. Никто ее не встречал, не провожал, не наполнял воздух забавной болтовней. Ника допоздна засиживалась в читальном зале. Ее уютная квартирка казалась пустой и холодной. Она бродила из комнаты на кухню, в другую комнату, перебирала книги на полках, косметику на полочке у зеркала, пила чай, смотрела в окно, пыталась читать. Было не по себе. Она вдруг поняла, что провела здесь в одиночестве, как в заточении, почти десять лет. И ей очень захотелось что-то изменить в своей жизни. Тогда. Это был ее первый осознанный шаг к кардинальным переменам.

Тем ни менее, она все-таки забыла про двадцать пятое число, и когда Мишка с костылями и букетом белых роз появился у нее на пороге, сильно вздрогнула и покраснела.

— Сейчас, я оденусь, — тихо ответила на немой вопрос, застывший в его глазах.

— Ты с ума сошла! — закричала мать, когда Ника позвонила ей и сказала, что выходит замуж. — Какой-то проходимец собрался быстренько решить проблему с жильем и питерской пропиской! Он потом еще и оттяпает у тебя квартиру!

Мишку можно было обвинять в чем угодно, но только не в корысти. Его чубатая голова была устроена совершенно по-другому. Она до сих пор со смехом вспоминала, как на следующий день, после того как они подали заявление, он с трудом приковылял к ней на своих костылях в изрядном подпитии и стал плакать и причитать:

— Ах, зачем же у тебя квартира! Лучше бы ты жила в общежитии, мы бы сняли с тобой комнату, я бы работал на двух работах!

Она долго его успокаивала, гладила по голове и уложила спать на диване в зале. Он впервые ночевал у нее.

Утром она сама предложила перебраться к ней, и вот он уже стоял у нее в прихожей, держа ручку своего чемодана из дерматина под кожу крокодила.

По негласной договоренности до свадьбы они спали в разных комнатах, и максимум, что было позволено будущему мужу, — чмокнуть невесту в щечку перед сном.

В загс они поехали на метро. Мишка наполировал ботинки, извлек из недр крокодилового чемодана старомодный полосатый костюм и почти белую рубашку. Ника хотела было ехать в джинсах, но, увидев его взволнованное покрасневшее лицо, нашла в шкафу какое-то светло-розовое платье, кое-как пошаркала его утюгом и предстала перед его восхищенным взглядом почти классической невестой.

Первая брачная ночь, как и последующие, стали досадным разочарованием. Она совсем по-другому представляла себе интимные отношения между мужчиной и женщиной. Ей всегда казалось, что минуты любви должны быть утонченными и пылкими. Эти эпитеты с трудом вязались с образом ее молодого мужа. Деревенское воспитание, в котором все сводилось к тому, чтобы задрать барышне юбку и завалить на сеновале, не поддавалось коррекции. Мишка, конечно, был весьма удивлен и польщен, что оказался ее первым мужчиной и старался, как мог. Но внять призывам к возвышенному эротизму ему не удавалось. Сколько Ника не подсовывала ему книжки про тантрический секс, не пыталась обсуждать темы нежности и чувственности, натыкалась только на непонимание и обиды.

Она уже стала задумываться — не поспешила ли она с замужеством, как выяснилось, что она в положении.

Мишка бросил учебу, устроился на завод, содержал семью и с умилением наблюдал, как стремительно растёт Никин живот.

Оказалось, у них будет двойня. Тем ни менее, Ника успешно защитила диплом и готовилась стать мамой. Она наслаждалась покоем, семейным уютом и размеренным течением жизни. Мишка был очень заботлив, ходил с ней вечерами гулять, массировал ноги, в выходные готовил шикарные обеды и по десять раз в неделю придумывал детям имена.

Роды начались неожиданно. От дикой боли у Ники потемнело в глазах, и она потеряла сознание. Очнулась в больнице. Выяснилось, что у нее и двойняшек возникли серьезные проблемы, и ее везут на операцию. Мишка все время был рядом, крепко держал ее за руку и успокаивал, только дрожащий подбородок выдавал его волнение.

Три дня она провела в реанимации, и только на четвертый впервые увидела своих детей. Белобрысая девчужка и темноволосый мальчик, прижавшись друг к другу, спали в кюветке возле ее кровати. Ника с трудом приходила в себя, наблюдая, как муж хлопчет вокруг.

Молока у нее не было. Прикорма, который выдавали в бутылочках строго по дозам, не хватало. Ночами она бродила по коридорам роддома, пытаясь укачать орущих от голода младенцев, с трудом передвигая отекавшие ноги. Располованный живот ужасно болел. Днем, замученные, они все трое отсыпались.

Их выписали домой через две недели. Муж в очередной раз показывал себя с лучшей стороны, помогая Нике по ночам кормить малышей, ловко менял подгузники и стирал ползунки. Как только дети затихали, и выдавалась свободная минута, они оба падали спать. Так прошло полгода. Дети немного подросли, и Ника впервые посмотрела на себя в зеркало. Двадцать килограммов, набранные за беременность, и еще килограммов семь, когда она заедала хроническую усталость, превратили стройную девушку в модель Рубенса.

Ее отношения с Мишкой были ровными, дружескими. Вопросы Тантры отпали сами собой. Теперь, раз в два-три месяца, исполнение супружеского долга Нике приходилось терпеть как неприятный, но неизбежный визит к врачу,

Когда детям исполнилось два года, их отдали в садик, Ника устроилась на работу. Дни напролет она проводила над своими проектами, в выходные возилась с детьми. Так летели год за годом. Периодически она мучилась от приступов тоски и неудовлетворенностью своей личной жизнью. Несколько раз задумывалась о разводе, но дети очень любили папу, и она не решалась нанести им столь серьезную психологическую травму. Довольно того, что она выросла без отца.

Дети росли, учились, влюблялись. Дочка, к восемнадцати годам ставшая известной певицей, вышла замуж за олигарха и уехала в Москву. Сын поступил на физфак, собрал свои вещи, заявил — все, я взрослый, буду жить самостоятельно.

И вот вчера вдруг Нике стукнуло сорок, она стоит под душем, яростно натирая себя мочалкой, и думает: «Не, надо что-то менять в жизни».

Выдохнув с облегчением, она выскочила из ванной, завернувшись в уютный махровый халат.

На кухне сварила себе чашку крепкого кофе, присела с ней на диван. Прихлебывая обжигающий ароматный напиток маленькими глоткам, с улыбкой прислушивалась к витиеватому храпу, доносящемуся из спальни.

Она с удовольствием думала о том, что уже завтра будет ночевать в роскошном отеле, в Риме. Одна, в просторной кровати, в тишине, которую нарушит только музыка, наслаждаясь своим прекрасным, много лет недоступным ей одиночеством.

Время ляжет перед ней как белый лист, как точка отсчета, с которой можно не спеша начать новую жизнь, заглянув в глубину своей души.

Допив кофе, она пошла в спальню собирать чемодан.

Мишка сладко спал, натянув одеяло на свою слегка полысевшую голову, и обнажив дородную трудовую мозоль в области живота, испуская высокохудожественные низкочастотные рулады. Под кроватью валялись рубашка, галстук со свежими пятнами красного вина, и грязные носки. У окна в нелепой позе лежали пиджак и брюки — его выходной костюм.

Он так и работал на заводе с тех пор, как бросил учебу. За это время он изменился только внешне, внутренне же остался тем же добрым и веселым деревенским увальнем. Ему было всего тридцать восемь, но выглядел он значительно старше своих лет.

Ника осторожно поправила одеяло, ласково провела по небритой щеке.

Открыла шкаф, достала изящный чемодан-кофр. Строгий костюм, изящное вечернее платье, брюки для прогулок, туфли на шпильках и легкие балетки, и еще целый перечень необходимых предметов.

Мишка продолжал мирно спать, когда Ника набросила легкий джемпер и джинсы и выскочила из дома. Наугад забежала в ближайшую парикмахерскую. Ей повезло — мастер попался классный. Через полтора часа она выплыла в новом образе. Короткая стильная стрижка и рыжий цвет волос придали ей свежий лукавый вид. Настроение было отличным! Она парила над асфальтом, как в детстве едва касаясь ногами земли, щедро одаривая сияющей улыбкой всех прохожих. Мужчины оглядывались ей вслед, один даже пытался познакомиться, но Ника рассмеялась и сбежала от него.

Она повернула ключ в замочной скважине и легонько толкнула дверь.

По-прежнему слышался храп мужа. Она вздохнула, шагнула было решительно в сторону спальни, потом махнула рукой, пошла на кухню, сварила еще чашечку кофе и с улыбкой развалилась на диване. Не хотелось портить себе настроение накануне замечательных событий.

Ранним утром следующего дня к подъезду подъехало такси. Ника выпорхнула со своим чемоданчиком и деловым портфелем, и, легонько хлопнув дверью, скрылась в недрах автомобиля. Колеса зашуршали по асфальту.

Вылет задерживали. Она прогуливалась по залу аэропорта, поглядывая на большие часы, висящие на стене. Время как будто остановилось. Нет, оно не остановилось, усмехнулась она про себя, оно пошло назад. Как там у Аполлинера? «И стрелки на часах еврейского квартала вспять поползли, и прошлое настало».

Еще пару кругов по залу — плечи расправлены, живот втянут, напрягаем ягодицы — ать-два!

Наконец объявили посадку. Расположившись в кресле, Ника пролистала страницы своего доклада, убедилась, что готова к выступлению и посмотрела в иллюминатор.

Удивительно густой белый туман плотно укутывал самолет. Ей стало не по себе. Прислушалась к работе двигателей — ровный, спокойный гул. Посмотрела на неторопливо снующих по салону стюардесс, разносящих напитки.

Ей вдруг показалось, что туман наполняет и салон самолета. Ника хотела было крикнуть стюардессам, но вдруг словно провалилась в никуда.

Она оказалась на балконе своей квартиры летней ночью 1985 года. Ей показалось, что ее родной старенький балкончик выглядел как-то иначе — шире, витое чугунное литье

на решетке и оконный проем — больше, изысканной формы.

— Что за чертовня? — подумала она с замиранием сердца. Открыла балконную дверь, шагнула в темную комнату и замерла на месте. Комната была совершенно другая, явно не ее — просторная, в центре огромная кровать. Свет полной луны освещал мягкие шторы на окнах, сверкающую белым глянцем мебель. Она сделала шаг, почувствовала под босой ногой мягкий пушистый ковер. Вдруг на кровати кто-то зашевелился. Какой-то мужчина приподнялся и зажег свечу, стоящую на прикроватном столике.

Ника с ужасом поняла, что практически голая, только в длинной полупрозрачной ночной сорочке, стоит перед ним. Она хотела метнуться обратно на балкон, но ноги не слушались. Она застыла посередине комнаты, зажмурился глаза. Мужчина же, наоборот, с интересом разглядывал ее в свете свечи.

Наконец, тихим мелодичным голосом он спросил по-итальянски: «Вы кто?»

Ника очень удивилась, открыла глаза и пристально всмотрелась в его лицо.

Это был Лоренцо Манчини. Обнаженный и прекрасный, прикрытый только легкой шелковой простыней, он полулежал на просторном ложе.

«Все, я окончательно сошла с ума», — с тоской подумала Ника и брякнулась в обморок.

Она очнулась от холодных потоков воды, льющихся на ее лицо. Глаза слепил яркий свет. Видимо, это продолжалось довольно давно, потому что она была в воде с головы до ног. На мягком пушистом ковре вокруг нее хлюпала лужа.

Она приподнялась с пола и почувствовала себя еще хуже. При включенном электричестве — в мокрой, ставшей совсем прозрачной сорочке, прилипшей к телу.

Было холодно и безумно неловко. Ее трясло так, что лязгали зубы. Лоренцо, уже облаченный в халат, деликатно отвернувшись, протянул ей простыню и потушил электрический свет. Она стянула с себя мокрую сорочку, завернулась в простыню и, продолжая стучать зубами, в нерешительности стояла возле кровати.

Он мягко привлек ее к себе, согревая своим теплом.

Нику затрясло еще сильнее от этих крепких рук, обнимающих ее, от едва ощутимого запаха дорогого одеколona. Сердце колотилось как бешеное, во рту пересохло. Ей не хватало воздуха.

Она подняла голову, заглянула ему в глаза. Увидела, как расширяются его зрачки. Он бережно взял ее лицо обеими руками и припал к ее губам. Ей показалось, что она летит в пропасть.

Задыхаясь и постанывая, он сорвал с себя халат, с нее простыню, и жгучими поцелуями стал покрывать все ее тело. Потом крепко прижал к себе, и решительно и нежно овладел ею. Ника до крови закусил губу, едва сдерживая крик от жгучей боли, заполняющей все ее тело.

Он продолжать ласкать ее, страстно целуя и что-то нежно нашептывая.

Боль отступила, и она закачалась вместе с ним на волнах страсти. Она вдруг оказалась в открытом космосе. Черная невесомость и яркие вспышки вокруг. Ника стремительно летела навстречу этим вспышкам, тело ее, казалось, тоже превратилось в разрастающийся сгусток огня, который взорвался с немыслимой силой, и все вокруг взорвалось вместе с ней.

Она вернулась в реальность и нашла себя испускающей дикий вопль прямо в ухо бедному Лоренцо, который морщился, но прижимал ее к себе.

Потом они лежали молча, обнявшись, слушая, как бьются, постепенно успокаиваясь, их сердца.

Он встал с кровати, подошел к столику, взял бутылку и наполнил два бокала вином, один протянул Нике. И вдруг тихо вскрикнул: «О, Боже!»

Белая простынь была покрыта пятнами крови, они алели как маки на снегу.

— Сколько же тебе лет, милое дитя?

— Четыр... Почти пятнадцать.

— Боже мой, что же я наделал! Тебе, наверное, было ужасно больно!

Он поставил бокалы и припал к ее ногам. Нежно гладил и целовал каждый пальчик ее стопы, тонкие щиколотки, бедра. Всклипывая, шептал извинения, и его слезы щекотали ее кожу. Потом вдруг вскочил, пробормотал что-то вроде — ах да, сейчас! — и убежал в ванную комнату. Послышалось журчание воды. Через несколько минут он вернулся. Подхватил ее на руки, отнес в ванную и положил в душистую пену. Ноздрястой губкой он ласково массировал ее хрупкое тело, что-то неразборчиво бормоча. Ника размякла, ей хотелось мурлыкать как котенку и одновременно плакать. Она хлопала веками и неотрывно смотрела на него.

— Это сон, — думала она, — проснись, и все исчезнет. Боже мой, какой прекрасный сон! Длился бы он подольше!

Он нежно чмокнул ее в щеку, вынул из ванны как ребенка, завернул в большое пушистое полотенце и отнес обратно в кровать.

Пара свежих простыней. Пара бокалов вина. Он зажег еще одну свечу и заглянул ей в глаза. Она почувствовала, что не может пошевелиться, все тело стало тяжелым, как будто налитым свинцом. Он просто сидел рядом — без движения, молча, не отрываясь смотрел на нее.. Казалось, это длится вечность. В горле пересохло, Ника отчаянно закашлялась.

Лоренцо вздрогнул, по лицу пробежала тень, он привлек ее к себе, поглаживая по спине, прошептал: «Прости», и его горячий поцелуй вновь заставил ее задрожать.

Ника проснулась на рассвете. Первые лучи солнца едва озаряли комнату.

Нет, это был не сон. Она по-прежнему не помнила, как она оказалась здесь, и не понимала, как все произошло. Судорожно вскочив с кровати, схватила свою сорочку, трясущимися руками натянула ее. Бежать!

Она очнулась от толчка при посадке самолета. Бортпроводница объявляла:

— Добрый день, дамы и господа, мы произвели посадку в аэропорту Рима, сейчас одиннадцать часов две минуты, температура воздуха в районе аэропорта — двадцать пять градусов.

Ничего не понимаю... это был сон? Ощущение полной реальности. Чудеса какие-то.

Она тряхнула головой, пытаясь избавиться от лишних мыслей, и решительно зашагала по проходу. Автомобиль, ждавший у аэропорта, отвез ее в отель, и через три часа она уже выступала с докладом.

Первый день конференции закончил свою работу довольно поздно — почти в семь вечера.

Ничего, подумала она, приму душ, перекушу, еще успею немного погулять. А завтра рабочая часть закончится рано, на вечер назначен официальный ужин, а до этого времени можно будет что-то успеть посмотреть.

Ее отель находился на живописной окраине города, и для начала она решила побродить поблизости. И вот, облачившись в светлый брючный костюм и туфельки-балетки, она легко шагает по дороге. Многоэтажные постройки сменяются маленькими домиками, ресторанчиками, садами. Лазурная синева неба постепенно темнеет, воздух свежеет и наполняется изысканным ароматом и стрекотанием цикад. Ника без усталости идет вперед, не переставая испытывать странное чувство *deja vu*. Да, она была здесь впервые, но все казалось знакомым, и было ощущение, что она попала в восьмидесятые — так неспешно и уютно текла жизнь вокруг.

Она поднималась по склону холма по дороге вдоль леса. Дорога расширилась, она вышла на склон полюбоваться видом на окрестности.

Смеркалось. Она вдруг подумала, что ей хорошо бы поторопиться обратно, тем более, что она не уверена, что помнит дорогу. Неожиданно все вокруг затянуло густым белым туманом. Она прибавила шаг, понимая с легким ужасом, что, похоже, заблудилась. Чтобы не паниковать, решила — в крайнем случае, дойдет до ближайших ворот и спросит дорогу. К счастью, итальянский, который она учила в юности, еще не полностью стерся из памяти.

Для храбрости она стала напевать любимую когда-то итальянскую песенку. Справа она заметила узорчатый забор из белого камня и, слегка ускорив шаг, пошла вдоль него. Наконец, появилась калитка, которая, как только Ника собралась постучать, неожиданно открылась сама.

Она так и застыла с поднятой рукой, зажатой в кулак.

Перед ней стоял молодой человек, который взволнованным голосом спросил:

— Синьора, вы певица?

— Нет, я заблудилась, хотела спросить у вас, как добраться до отеля Time Relais, я там остановилась.

— Это довольно далеко, сейчас уже темно, и боюсь, вы не найдете дорогу. Я могу вызвать такси, оно подъедет минут через сорок, а пока не хотите ли зайти и выпить чаю или вина? У меня, к тому же, к вам один очень важный вопрос.

Ника удивилась — какой вопрос может быть к ней у этого милого молодого человека? В сумерках она не могла толком разглядеть его лица, но оно почему-то показалось ей знакомым. К тому же она изрядно устала и мучилась от жажды, поэтому с удовольствием приняла приглашение.

Пройдя следом за ним в просторную гостиную небольшого уютного дома, она застыла перед большим календарем на стене. Он был за 1985 год, некоторые дни на нем были помечены крестиками, в том числе дата 15 августа. Ника вдруг подумала — сегодня же 15 августа... На календаре был портрет Лоренцо Манчини. Ее новый знакомый повернулся, любезно приглашая ее присесть, и Ника поняла, что это он изображен на фотографии. Он немного смутился, заметив, что она переводит взгляд с его лица на календарь и обратно, как бы невзначай кивнул и наполнил бокалы вином.

Ника плюхнулась в плетеное кресло, сделала глоток и мучительно стала думать — что же это такое происходит? Лоренцо Манчини, по которому она сходила с ума в неполные пятнадцать лет, по ее подсчетам сейчас должно быть ближе к шестидесяти. Этому милашке было не более тридцати. «Сын, наверное, но какое сходство!» — ошарашено подумала Ника, автоматически прихлебывая вино.

Тут она заметила, что он сидит напротив, не сводит с нее глаз, и с нетерпением ждет, когда она, наконец, удостоит его своим вниманием.

Она выдохнула, и улыбнулась.

— Синьора, откуда вы?

— Из России.

— А, из Советского Союза? У меня как раз там скоро гастроли... Я услышал, как вы поете, еще на изгибе дороге, и шел за вами следом вдоль забора по двору, надеясь догнать и спросить... Дело в том, что ту песню, которую вы пели... я написал ее сегодня утром, и никто, ни одна живая душа еще ее не слышала. Причем, вы пели абсолютно точно, именно так я представлял себе ее петь, и в том месте, где у меня возникли сомнения, вы спели вариант, который я только обдумывал, как возможный и даже не записал. Это так удивило и взволновало меня, что я бросился скорее открывать калитку, чтобы не упустить вас. Откуда вы ее знаете?

Ника в свою очередь уставилась на него, слегка приоткрыв рот. Что ответить, чтобы не показаться ненормальной?

Она немим жестом протянула пустой бокал, который тут же был наполнен, и опустошила его залпом.

Вино было отменным. Наслаждаясь тонким послевкусием, и думая, что же это такое происходит с ней в последнее время, она наблюдала, как Лоренцо (а это, без сомнения, был он) наполнил и также залпом выпил, и снова наполнил оба бокала.

Ника отпила еще глоток. Начала было говорить, но у нее перехватило горло. Она сделала еще пару глотков, и медленно спросила:

— Синьор, а какой сейчас год?

— Восемьдесят пятый, конечно, а какое это имеет значение?

— Ну да, никакого...

Ей было не по себе, вроде бы как она не спала, но все происходящее вокруг с трудом можно было назвать реальным. Она незаметно под столом ущипнула себя за бедро. Больно.

Да, они продолжали сидеть за столом и распивали уже вторую бутылку вина, и Лоренцо по-прежнему смотрел на нее с ожиданием.

Ника не могла придумать ничего умнее, чем начать ослепительно улыбаться этому прекрасному юному принцу, в которого она когда-то была влюблена.

Он улыбнулся в ответ. Ника улыбалась все ярче. Все шире. И вот она уже покатывается со смеху, и он вместе с ней.

Они смеялись без остановки минут пять, в полном изнеможении практически лежа на столе. Наконец Лоренцо перевел дух:

— Как с вами весело, синьора! Так вы, наверное, утром прогуливались по округе и услышали случайно, как я голосил? Я, бывает, так увлекаюсь, что не замечаю ничего вокруг. А то я уже решил, что какая-то мистика происходит, не на шутку испугался. Но как возможно сразу все запомнить! Видимо, у вас просто феноменальная память!

Нике ничего не осталось делать, как продолжать смеяться, радостно кивая головой.

Они распили еще бутылочку, и тут она почувствовала, что хоть вино и было очень легким, ноги ее практически не слушаются. И времени прошло уже довольно много, совсем стемнело.

— Так когда же приедет такси? — старательно выговаривая слова, спросила она.

— Такси! О, Боже, я же совсем забыл! — он шагнул было к аппарату, потом остановился, повернулся к ней. — А может заночуете у меня? А завтра мы позавтракаем на открытой веранде, оттуда замечательный вид на город, и поедете? Оставайтесь, не пожалеете, вы нигде больше такой красоты не увидите! А сейчас мы еще с вами выпьем, поужинаем, и у меня в саду потрясающий бассейн с минеральными ключами. Вода как парное молоко, звезды отражаются. А сейчас как раз полнолуние...

Да у нее и не было сил ни отказаться, ни, в самом деле, тащиться сейчас куда-либо.

Она кивнула головой, Лоренцо просиял, засуетился, накрывая на стол.

Они сидели при свечах, вкушая легкие изысканные закуски, тихо играла пластинка — какой-то из струнных концертов Вивальди — и молча улыбаясь, смотрели друг на друга.

«Так вот в чем причина, — думала она. — Как возникает ситуация, которая называется «любовь с первого взгляда»?»

Четырнадцатилетняя девчонка, страдающая от недостатка внимания и тепла, она влюбилась в него, увидев на фото, как раз потому, что в нем тепла, легкости общения и искренности было с избытком. Фотография — не столько изображение, сколько информационный канал, который дополняет зрительный образ более точными подробностями. Тогда он был для нее совсем взрослым, отчасти заменял отца, которого ей как ребенку всегда не хватало, и любимого, в котором она так нуждалась как женщина.

Сейчас она смотрела на него с трепетным умилением. Милый мальчик. Нежный, лукавый, эмоционально открытый — и ранимый, и сильный одновременно.

Он заново нравился ей. Она даже побаивалась, что яд страсти, похороненный со времен юности в самых дальних закоулках ее сердца, просочится наружу. Она улыбалась в ответ на его улыбку и гнала прочь все мысли, которые могли бы разрушить это блаженное состояние.

Лоренцо смотрел на нее, наслаждаясь сиянием ее глаз, спокойствием и радостью исходящим из них. Он замечал и скрытую боль, и тень тоски и разочарований в уголках улыбающихся губ.

От этой прекрасной немного усталой женщины исходило тепло и сила, любовь ко всему вокруг и в тоже время застенчивость и озорство девчонки. Она была как ангел, посланный с небес, который благословляет и наставляет тебя в момент душевного беспокойства.

Вино живительной влагой текло по венам, заполняя фруктовым ароматом воздух вокруг, и расслабляющим дурманом их тела.

После ужина Лоренцо проводил Нику в сад, показал бассейн с минеральными ключами, бьющими из мраморных стенок. Под черным, разукрашенным орнаментом сияющих звезд, ночным небом маняще журчали теплые струи. Мистически яркая полная луна отражалась в поверхности воды.

Мягкая подсветка бассейна сливалась в один столб света с сиянием звезд. Все вокруг казалось волшебным.

Ника как зачарованная застыла у края бассейна.

Лоренцо же быстро скинул одежду и с разбегу прыгнул в бассейн, поднимая столб брызг.

— Иди ко мне!

Ника нерешительно топталась на месте.

Видя ее замешательство, он замер и тихо сказал:

— Пожалуйста! Без тебя здесь не будет так красиво!

Меньше всего ей сейчас хотелось разрушать эту гармонию. Не спеша она разделась и плавно спустилась в воду по пологим каменным ступеням, шершаво ласкающим ее стопы.

Небо бархатным куполом сомкнулось над ее головой.

В глазах Лоренцо, отражающих звезды, застыл немой вопрос и мольба.

Ника с улыбкой потрепала его по мокрым кудрям. Он мягко перехватил ее руку и прижал к своим губам. Жаркими поцелуями он покрывал ее руки и плечи, шею и лицо.

Ника прижала его голову к своей груди, он услышал как тревожно, взволнованно-часто бьется ее сердце. Она вдруг вздрогнула, оттолкнула его и отступила на шаг. Лоренцо застыл на месте с широко раскрытыми глазами, разведя руки в недоумении и расстройстве.

Ника шагнула обратно к нему, и нежно и страстно припала к его сладким теплым губам.

Они летели среди звезд в этом бесконечном бархатно-черном небе. Разноцветные вспышки, похожие на праздничный фейерверк, появляясь слева и справа, озаряли все вокруг.

Ника не чувствовала своего тела, казалось, она превратилась в сгусток невыносимого счастья. Пик блаженства сотряс пространство вокруг, вытолкнув ее обратно на Землю в объятия Лоренцо, в громкий стон, который вырывался из ее груди, разносясь по округе.

Он крепко прижал ее к себе, глубоко вздохнув. Его глаза наполнились слезами.

Ника проснулась от громких аплодисментов. Закончилось выступление очередного докладчика.

Она сидела на конференции, в руках у нее была распечатка программы сегодняшнего

дня работы. Провела ладонью по лбу, на котором выступила испарина, едва она вспомнила о том, что случилось с ней вчера. А было ли это явью? Она совершенно не помнила, что было утром, и как она оказалась в конференц-зале. Как будто кто-то стер кусок ее памяти.

Все, что с ней происходило последние дни, было очень странно. Ощущение полной реальности не позволяло ей считать, что это было сном, несмотря на сопротивление разума. Но происходящее явно выходило за рамки привычного отсчета времени. Она вдруг вспомнила, как когда-то в юности читала любопытную научно-философскую работу о перемещении во времени и о параллельных мирах, которые при определенных обстоятельствах могут пересекаться.

Почему петли времени выносят ее к этому человеку? Что так важно было понять в этой истории юношеской страсти? Почему вдруг из прошлого она врывается в ее размеренную взрослую жизнь?

Ее размышления прервал сосед справа, спросив что-то по поводу документации. Нике пришлось переспрашивать, сделав вид, что она очень увлечена докладом.

Она сделала над собой усилие, и на самом деле начала внимательно слушать.

Закончилась рабочая часть конференции. Она решила не возвращаться в отель, погулять по центру Рима, музеям. Необходимо было подумать о многом, побыть наедине с вечным городом.

Она с аппетитом пообедала в ближайшем кафе, и для начала собралась посетить площадь святого Петра.

Ласково припекало солнце, легкий бодрящий ветерок трепал ее рыжие волосы. Сердце радостно колотилось в груди в ожидании чуда. Она шла по мостовой, любуясь белоснежным собором, прекрасным архитектурным ансамблем, стаями голубей, нарядными красивыми людьми, прогуливающимися вокруг.

Навстречу, пристально глядя на нее, шел мужчина. Изящная соломенная шляпа и большие солнечные очки почти полностью закрывали его тронутое временем лицо. Похоже, он старался остаться незамеченным в толпе. Нике он почему-то показался очень знакомым. Она тоже стала внимательно присматриваться к нему, как вдруг ей послышалось, что кто-то шепотом окликнул ее сзади. Она рефлекторно обернулась. Каблук изящной туфельки застрял между булыжниками мостовой и, потеряв равновесие, Ника рухнула наземь.

Один из булыжников, упрямо торчащих среди своих собратьев, пришелся ей прямо в висок.

Она очнулась, как всегда в последнее время, внезапно и в неожиданном месте.

Первое, что она увидела — белый потолок с люминесцентной лампой. Ее неприятно удивила тишина, наваливающаяся со всех сторон.

Посмотрев по сторонам, она заметила у изголовья кровати, на которой лежала, огромный красивый букет. И дорогостоящую аппаратуру, стоявшую вдоль стен. Она опять ничего не помнила, и оставалось только гадать, как она здесь очутилась. К счастью, долго ломать голову ей не пришлось. Один из аппаратов пронзительно запищал, и в дверях появилась миловидная медсестра, которая, заглянув, прокричала по-итальянски — ну, наконец-то! — и снова скрылась.

«Ага, значит я все еще в Риме», — подумала Ника и приподнялась на кровати навстречу бородатому доктору.

Это была одна из лучших клиник. Ника провалялась здесь уже целую неделю не выходя из комы, в которую она впала вследствие трещины височной кости, полученной при

падении. Доставил ее сюда, подобрав на месте происшествия, никто иной, как Лоренцо Манчини, звезда итальянской эстрады восьмидесятых годов, случайно оказавшийся поблизости.

В роскошном букете, стоявшем рядом, она нашла записку: «Прекрасной незнакомке, скорейшего выздоровления и всех благ. Лоренцо М».

Она вдруг с ужасом представила, что думают дома и на работе по поводу ее внезапного исчезновения. Попросила свой мобильный телефон, набрала мужа. Тот заорал в трубку:

— Звезда моя, слава Богу, ты жива! Звонили с твоей конторы, говорили, что вроде ты в больнице, но толком они сами ничего не знают, я тут чуть не облысел окончательно от горя. Не спал три ночи, пил горькую, бросал монеты, загадывая — жива – не жива! Как ты?

— Миш, да все в порядке, не волнуйся! Ты же знаешь, я живучая. Сейчас звоню в аэропорт, заказываю билет на ближайший рейс. Если повезет, завтра буду дома. Я еще позвоню как все прояснится. Звякни в контору, скажи, что все окей. Все, пока!

Ника медленно села. Тело ужасно затекло, голова кружилась. Посидев пару минут, качая ногами, она решила встать, держась за спинку кровати. Сделала пару шагов. Отдохнула. Все, можно собираться в дорогу. Завтра надо быть дома. Она выглянула в окно. Смеркалось, клубился белый туман.

Она сладко спала, и в ее сон нудно и долго прорывался телефонный звонок. Сначала он был звоном колокола на корабле, на котором она пересекала Атлантику, потом — птичкой, певшей на кусте сирени под окном. На северном полюсе белый медведь скалил на нее огромную клыкастую пасть, из которой несся дотошный телефонный звон, пока, наконец, Мишка не пришел с трубкой в руке, не растолкал и не всунул в руку телефон.

— Это Виктор!

«Что за Виктор, какого черта не дают поспать!» — с отчаяньем думала Ника, беря телефонную трубку и хрипло отвечая:

— Алло, слушаю!

— Мам! Спишь? Извини, что разбудил, хотелось быть первым! Ну, поздравляю тебя с моим двадцатипятилетием! Ты еще помнишь, что сегодня родился твой единственный сын? И еще, на всякий случай, напоминаю, а то у меня такое ощущение, что ты уже забыла — послезавтра наша свадьба с Анжелой, папа будет, мы ждем тебя. Мы тебя встретим в аэропорту, не беспокойся. От него привет, целую, до встречи!

Щелчок, короткие гудки.

Ника лежала в постели, с недоумением глядя на трубку, крепко сжимая ее в ладони.

Прошло несколько минут. Ее сына звали Антон, дочь — Алина, и им было по двадцать лет. Что за Виктор ей сейчас звонил, она никак не могла понять.

Муж заглянул в комнату, увидел ее озадаченное лицо, усмехнулся:

— Что, никак не можешь свыкнуться с мыслью, что у сорокалетней женщины двадцатипятилетний сын, который женится и скоро сделает тебя бабушкой? Ничего, родная, крепись. Ладно, я побежал, кофе и завтрак на плите, у меня сегодня сдача объекта, надо быть пораньше.

Ника с удивлением смотрела на него. Это был ее Мишка, но он был строен, подтянут, элегантный костюм сидел на нем безупречно. Белокурые вихры не торчали в разные стороны, а были стильно подстрижены. Голубые глаза отливали свинцом. В уголках губ угадывалась горькая складка. Муж помахал ей рукой, подхватил увесистый портфель, и скрылся за дверью.

Ника набросила длинный халат, озадаченно огляделась по сторонам. Последнее время она уже почти привыкла ничему не удивляться. Но сейчас это у нее не получилось. Вместо своей квартиры она находилась в просторном загородном особняке. Проходя из комнаты в комнату, она пыталась понять, почему она здесь.

В одной из комнат была проектная мастерская, но к ее удивлению, это была мастерская мужа. На стенах висели чертежи и фотографии объектов, грамоты и дипломы. А вот — огромная студия. Рояль, звукозаписывающая аппаратура, зеркала во всю стену. Ника с удивлением застыла у одного из них.

— Вот это да, кто это? Это что, я?

Из зеркала на нее смотрела изящная стройная блондинка. Глаза ее были ясными и широко открытыми, кожа свежей, на щеках играл румянец.

Ника распахнула халат — на плоском подтянутом животе не было шрама. Она отшатнулась от зеркала, судорожно хватая воздух. На другой стене она увидела огромную афишу — БКЗ, 15 августа, концерт лауреата международных премий, певицы Вероники Никольской.

Она выбежала из студии. Может ей кто-нибудь что-нибудь объяснить?

Следующая комната оказалась гостиной, и там, в антикварном дубовом секретере, она нашла семейный архив, позволивший ей разобраться в ситуации.

Ее родители не развелись. Они прожили долго и счастливо вместе, и Ника была их единственным чадом, выросшим в любви. Она получила вдоволь внимания и ласки, и общение с людьми не было для нее проблемой. Но ее природная склонность к уединению и философствованию в сочетании с повышенной эмоциональностью проявилась как лунатизм.

Несколько раз в полнолуние ее ловили ночью на балконе, когда она ходила по перилам. Один раз сняли с крыши. Однажды, когда в Питере выступал с концертами Лоренцо Манчини, ее любимый исполнитель, она в лунатическом сне забралась к нему в гостиничный номер.

Очнувшись рано утром, она бежала оттуда через балкон, спустившись по простыням. Вернувшись домой в сильном нервном потрясении, она проспала до вечера, ее лихорадило, и она проболела два дня.

Через девять месяцев она легко, несмотря на юный возраст, родила мальчика, которого назвали Виктор.

Некоторое время родители выдавали его за своего младшего ребенка и занимались его воспитанием, благодаря чему Нике удалось окончить школу и поступить в Гнесинский институт на отделение эстрадного вокала, которое она успешно закончила. Потом она работала с известным коллективом в Питере, объездила с гастролями всю Россию и пол Европы.

Замуж она вышла довольно поздно, в тридцать лет, за своего верного поклонника, известного архитектора. Еще будучи студентом, он побывал на ее концерте и с тех пор потерял покой. Потребовалось почти десять лет кропотливой работы над собой, чтобы из деревенского паренька превратиться в настоящего аристократа и успешного бизнесмена. Ведь только такой человек, считал Михаил, достоин стать мужем звезды.

После того, что произошло с ней той лунной ночью, Ника избегала близких отношений, хотя вокруг нее всегда была толпа восхищенных мужчин. Михаил отбил всех ее ухажеров, убедил в том, что сможет стать отцом для ее уже взрослого сына.

Она с удивлением замечала, что семья действительно стала для нее опорой и поддержкой, и позволила не погрязнуть в бытовых проблемах, а выйти на новый уровень творчества.

Карьера Ники пошла в гору, особенно после того, как она заняла первое место на фестивале эстрадной песни в Италии. Она выступила как иностранный исполнитель песни на итальянском языке, которую она, кстати, сама и написала. Они сделали оригинальный номер вместе с сыном, который играл на бонгах и исполнял партии бек-вокала.

Эта победа стала одновременно и серьезным испытанием для их семьи. Жюри конкурса возглавлял известный исполнитель, звезда восьмидесятых, Лоренцо Манчини, который вспомнил Нику, признал сына, и предложил ей помощь в воспитании их ребенка, от которой она, конечно же, отказалась. Но Виктора тянуло к отцу, их объединяло не столько внешнее сходство, сколько что-то неуловимое, мгновенно связывающее людей. Некоторые называют это родной кровью.

Ника страдала от этого, прошлое оставило незаживающий шрам в ее неокрепшей детской душе тогда и вновь причиняло боль. Она видела, как переживает муж, который начал опасаться, что не удержит ее, и что все его старания напрасны. И он по-настоящему привязался к мальчику. А тут появляется его родной отец, который еще и звезда!

Несколько лет они жили в напряжении. Ника боялась упреков со стороны мужа и объяснений с сыном, и только благодаря безграничной любви и мудрости Михаила это напряжение удавалось отчасти снимать. Но на каникулы, когда Витторио уезжал к отцу, Ника впадала в жестокую депрессию.

Только когда сын окончил школу, и пришло время выбирать, где учиться дальше, она смирилась. Консерватория в Риме была лучшим аргументом. Теперь на каникулы Виктор приезжал в Петербург.

И вот он женится! На итальянке! Это, наверное, было бы шоком для любой любящей матери, тем более, если у нее была причина чувствовать вину перед своим чадом.

Но сейчас Ника сидела на кухне с чашкой ароматного кофе и задумчиво глядела в окно, за которым открывался вид на ухоженный сад. Эта история была одновременно и ее жизнью, и картиной, которую она наблюдала со стороны. Очень странное ощущение...

Интересно, какой он, ее сын, взрослый уже мужчина Витторио Манчини? Она листала страницы семейного альбома, разглядывая фотографии, лица расплывались перед глазами... Ника захлопнула альбом.

Ну что ж, надо собираться в путь.

Только эти два человека на свете, при всем своем внешнем несходстве, могли улыбаться одинаковой, такой открытой, теплой и обаятельной улыбкой.

У Ники сжалось сердце. Виктор подпрыгивал как мальчишка, махал руками. Лоренцо стоял неподвижно, сжимая в руках большой букет белых роз. Она вгляделась в его лицо... Это был тот же мальчик, которого она целовала в бассейне, тот же мужчина, сводивший ее, девчонку, с ума, только старше на каких-то двадцать пять лет. Морщины на лице и седина на висках — гротескная карнавальная маска, которая выдавала чрезмерное пристрастие к плотским утехам и алкоголю. Она кивнула, протянув ему руку.

Прижалась к плечу сына. Слезы хлынули сами собой. Ника с трудом взяла себя в руки, подумав о том, как она будет выглядеть с размазанным макияжем.

Они сели в такси. Всю дорогу до отеля Витторио трещал без умолку о приготовлениях к

свадьбе, о своей замечательной невесте. Ника едва успевала вставлять междометья в редкие паузы его динамичного монолога. Лоренцо молчал.

Они проводили ее до номера и расстались до завтрашнего утра, разбежавшись по своим делам.

Ника не спеша развесила свои вещи в шкафу. Наполнила ванную водой с пеной, погрузилась в теплую влагу.

Она дала себе задание — не пытаться ничего понять. Думать только о том, что ей предстоит делать в ближайшее время. Первое — поддержать сына в день самого важного его праздника, создать радостную атмосферу, чтобы этот день запомнился на всю жизнь.

В сценарии вечера было ее выступление, программа Лоренцо, и их совместные два номера. Надо было подумать, какие вещи спеть.

На краю ванны завибрировал мобильный. Звонил Лоренцо, как оказалось, он тоже задумался над этим. Предложил спеть вместе одну ее песню — ту, с которой она победила на конкурсе, и одну его — почему-то ту самую, которую напевала Ника, шагая поздним вечером 2011-го в вечер 1985 года. Она вздрогнула, услышав это предложение, но — да, почему бы нет. Почему бы нет?

Вечер прошел на славу. Невеста Виктора Анжела на самом деле была очень мила. Свет любви озарял их лица, это сияние распространялось на всех, кто был рядом. Слева от невесты сидели ее родители — известная и уважаемая в Риме супружеская чета. Справа от жениха — они с Лоренцо.

Ника чувствовала себя очень неловко. Они, по сути, даже не были толком знакомы. Их объединял только этот мальчик, дорогой ее сынуля, и ночь страсти, рассыпавшаяся по закоулкам разломов времени. Ей стоило некоторых усилий сохранять на лице соответствующее выражение.

Бесчисленное множество ее новых итальянских родственников и знакомых веселились, праздник был прекрасен и полон сюрпризов. К полуночи, после фейерверка, гости начали разъезжаться. Ника хотела было вызвать такси и отправиться в гостиницу, но Лоренцо, взяв ее под локоть, тихо прошептал: «Ты что? Чтобы родители жениха разъезжались в разных машинах? И еще на такси?»

Пришлось Нике сесть в лимузин. Она даже не успела ничего сказать, как машина подъехала к его дому. Лоренцо вышел, подал ей руку. С широким жестом шагнул вперед:

— Добро пожаловать, сеньора!

Она хотела попросить отвезти ее в отель, но он, не дав ей раскрыть рот, возразил:

— Но разве родители жениха не должны хоть один вечер по-семейному провести вместе?

Да, наверное, он прав. Она молча пошла в дом. Пять лет назад сеньор Манчини переехал в роскошный особняк в центре города. От шума улиц его укрывал огромный сад. По широкой дорожке, вымощенной булыжниками и освещаемой фонарями на витых чугунных столбах, Ника медленно шла рядом с ним.

Не хватает средневекового платья и плаща с капюшоном. И меча у рыцаря, ведущего под руку прекрасную даму. Сколько раз могут одни и те же люди пересекаться во времени?

Почему снова и снова в разных ситуациях предстоит решать один и тот же вопрос?

«Нет-нет, стойте. Как говорила Скарлетт О'Хара, я подумаю об этом завтра», — Ника тряхнула головой и заспешила вперед.

Их ждал легкий ужин в уютной гостиной под стеклянной крышей на третьем этаже дома. Старинные серебряные подсвечники собирали в свои узорчатые ладони капли ароматного воска. Полная луна, казалось, висит прямо над головой.

— За тебя, Вероника! — Лоренцо поднял бокал с красным как кровь вином.

— За тебя, Лоренцо! — с легким звоном коснулась Ника его бокала своим.

Он смотрел на нее не отрываясь.

Глаза другие. В них больше лукавства. Больше опыта и меньше искренности. Больше боли и меньше чистоты.

Было видно, что он хочет спросить о чем-то важном, задать мучительный вопрос, ответ на который он знает, но не хочет верить себе, надеясь, что вдруг ошибся, и боясь того, что не ошибся. Наконец, он решился.

— Вероника! Ты могла бы остаться со мной? Я знаю, ты замужем и живешь в другой стране. Это очень трудно — бросить все... Но у нас есть сын, и ты знаешь, я всегда чувствовал свою вину за то, что произошло. И я, правда, очень хочу, чтобы ты была со мной! Значу ли я хоть что-нибудь для тебя?

Он вдруг встал перед ней на колени, глаза его подозрительно заблестели.

— Хотя нет, не говори сейчас ничего, давай, ты ответишь завтра утром, а сегодня просто посидим вдвоем и помолчим. Хорошо?

Она кивнула, он обнял ее ноги, положив голову на колени.

Ника погладила его по волосам. Лоренцо задрожал. Его горячее дыхание обжигало ее колени. Она пыталась отстранить его и встать, но потеряла равновесие и упала в его объятия.

Одним движением он сорвал с нее легкое вечернее платье.

Нет, ей уже не хотелось ни страстей, ни телесных наслаждений — время правит ошибки и расставляет все по своим местам. Боль от обжигающей страсти при отсутствии истинной любви оставляет глубокие шрамы на нежной душе и, пережив эту боль однажды, вряд ли захочется повтора. Она пыталась сопротивляться, но эти попытки только еще больше воодушевляли подвыпившего Лоренцо. Господи, зачем же она согласилась ехать с ним! Она закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Звезды, светящие сквозь стеклянный купол гостиной, стремительно приближались. Они кололи своими острыми лучами, ослепляли. Ника захлебывалась волнами черного неба, уносящего ее все дальше в бесконечность.

Она проснулась с первыми лучами солнца. Тихо, чтобы не разбудить Лоренцо, встала с кровати. Посмотрев на разорванное платье, достала из шкафа белую мужскую рубашку и голубые джинсы.

Через десять минут к воротам дома подъехало такси, которое отвезло ее в отель. До самолета оставалось пять часов.

Михаил встречал ее в Питере в аэропорту.

— Убежал с совещания?

— Нет, просто перенес его на завтра. Сегодня хочу побыть с тобой, — он вопросительно взглянул на нее.

— Конечно, я тоже. Вообще, я устала и хочу домой. И ужасно соскучилась.

Ника с первого взгляда поняла, чего стоило мужу сохранять шуточный и независимый тон. С его безошибочной интуицией было бессмысленно скрывать все, что произошло за эти дни. О том, что он знал, говорила горькая складка у рта и темные круги под глазами.

Никогда за десять лет брака она не слышала от него ни одного упрека, ни намека на ревность. Собственно, она никогда не давала повода. Но она видела, как болезненно он переживал ее историю, когда-то неожиданно возникшую из прошлого. И настолько серьезно опасался, что она оставит его ради этой итальянской выскочки, как он называл про себя Лоренцо, что не решался осложнять ситуацию лишними вопросами.

Сегодня Ника, которую всегда не за что было упрекнуть, чувствовала, как у нее горит лицо. Она старалась не смотреть мужу в глаза, видеть эту молчаливую боль было просто невыносимо.

Они сидели во дворе в беседке под старой пихтой, пили кофе и болтали. Вечер подступил незаметно. Они перебрались в дом. Впервые за много лет можно было лечь

спать пораньше. Ника зажгла в спальне ароматные разноцветные свечи. Теплые блики и тени танцевали на стенах от легкого дуновения ветерка, залетевшего в открытую форточку.

Ника обнимала мужа, гладила его по плечам, целовала в прохладные, пахнувшие мятой губы, и вдруг впервые, как никогда отчетливо, почувствовала его реальность, теплоту и близость. В этой жизни или в другой, он, по сути, был тем же. Это был живой, настоящий, любящий, родной человек. Все эти годы она как будто была слепа, видя его рядом каждый день и не сумев до конца разглядеть самого главного. В их отношениях ей не хватало страсти, чувственности и утонченности. Но страсть быстро испаряется, остается пустота и боль. Только настоящие любовь и преданность проходят испытание временем и бытовыми проблемами, которые совсем не романтичны и не утонченны.

Ее сердце трепетало от переполняющей его нежности и жгущего раскаяния. Не осталось больше ни прошлого, ни будущего, никого в этом и других мирах, кроме их двоих.

Через две недели на репетиции Ника вдруг почувствовала себя неважно. Еще через пару дней рано утром она растолкала мужа, держа в руке тест на беременность, на котором отчетливо виднелись две полоски.

Лучи утреннего солнца щекотали нос. Ника повернулась на другой бок и заметила стоящего рядом с кроватью Мишку с подносом в руках, на котором теснились пузатая сахарница, молочник со сливками и чашка горячего кофе.

— Я так и думал, что ты сейчас проснешься. Все ворочалась, руками махала во сне. Как самочувствие юбилярши? — он присел на кровать, ласково чмокнул ее в щеку.

— Да снилось, что записываю новый диск, дирижирую оркестром, — прыснула со смеху Ника, сладко потягиваясь.

— Ну что, значит к черту конференцию, к черту архитектуру, поём?

— А что, хорошая идея, сорок лет исполнилось, начинаю новую жизнь!